

Михаил Позняк

За 101-м километром

Михаил Позняк
За 101-м километром

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Позняк М. В.

За 101-м километром / М. В. Позняк — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Поздняя осень 1976-го года. Колония-поселение, расположенная где-то в средней полосе России. Её обитатели считают себя находящимися на излечении от последствий наркомании преступниками, которым дали шанс на новую жизнь. Но почему никто из них не помнит, какое преступление они совершили? Что за странные методы лечения практикует врач? Кто они на самом деле? Двое товарищей решают устроить побег, чтобы отыскать следы своего прошлого и вернуть свои настоящие личности. Но всё окажется совсем не тем, чем им казалось...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Глава 1

Громкий дребезжащий сигнал побудки пронесся по бараку, бесцеремонно врываясь в темные сны без сновидений и немилосердно выдергивая его обитателей в безрадостную реальность. За окном еще даже не занимался серый осенний рассвет, было слишком рано. Колония-поселение для совершивших преступление наркоманов начинала свой новый день.

С трудом разлепив глаза, Иван уставился в корявые не струганные доски потолка. Кажется, сегодня девушка опять приходила к нему? Он напрягся, пытаясь уловить ускользающее воспоминание, но ничего не получилось, как обычно. Барак просыпался, наполняясь шумом. Слышно было, как за тонкой перегородкой простонал, приподнимаясь с топчана Анатолий. И это было тоже привычными звуками одинаково начинающихся дней.

– Что, кошмары снились? – участливо спросил Иван.

Невысокий жилистый Толик выглянул из-за стены, посмотрел на товарища и отрицательно покрутил головой, тут же схватившись за виски.

– Не помню, ничего не помню...

Проблемы со снами были у всех. Врач утверждал, что это совершенно нормальное явление у людей, плотно употреблявших «синий лед», но регулярный прием лекарств заодно с сеансами гипноза вскоре приведет к полной реабилитации и восстановлению памяти. Да вот, что-то пока никаких улучшений Иван не замечал ни у себя, ни у кого другого.

Наскоро умывшись у жестяного умывальника, он потрогал рукой подростковую щетину, постепенно превращавшуюся в русую бородку. Здесь мало кто брился – у многих тряслись руки с утра, да и администрация косо смотрела на потенциальное оружие в руках вчерашних преступников. По сути, каждое утро брился только киномеханик Семен, занимавший отдельную каморку в конце барака. А вот и он, щуплый, с нездоровым лицом, кивнул Ивану как старому знакомому и направился со своей миской к повару, разливающему большим половником жидкую кашу. Неуверенно кивнув в ответ, Иван тоже получил свою порцию бурого месива, по недоразумению зовущегося здесь овсянкой, и сел за стол. Ему иногда казалось, что раньше, в прошлой жизни, он уже встречал этого странного парня. Только вот где и когда – он не помнил напрочь. И Семен, судя по всему – тоже. Загадка. Теоретически, налетчик и грабитель банков Иван вполне мог сталкиваться с человеком, который, если верить слухам, устраивался на работу в богатые конторы, чтобы выведать все подходы для грядущего ограбления. Действительно ли Семен был инфильтратором, точно не знал никто – обсуждения прошлой жизни между расконвоированными были запрещены.

Дверь распахнулась от могучего пинка, и в барак шагнул начальник колонии Геннадий Борулин в сопровождении двух мордovorотов охраны. За их спинами маячил врач со своим неизменным саквояжем. Обведя тяжелым взглядом вскочивший поднадзорный контингент, начальник мысленно пересчитал их по головам и так же молча удалился. Разговаривать с человеческими отбросами он явно считал ниже собственного достоинства. Зато поговорить любил врач, исполнявший свои обязанности с искренним рвением, граничащим с садизмом. Иван подозревал, что врача тоже сослали сюда за какие-то прегрешения, иначе что бы делал явно городской лощеный хлыщ в затерянном среди лесов и полей поселке?

– Ну что, наркоманы, бандиты и прочий асоциальный элемент, – привычно начал врач, ставя прямо среди тарелок с едой грязный саквояж, – Соскучились по своим таблеткам? И правильно – не примете, так сами будете своих чертей по поселку ловить, пока не сдохнете! По-порядку становись!

Присутствующие привычно выстроились в очередь, получая по три разноцветные таблетки и тут же глотая их под бдительным взглядом врача. Лица разглаживались, на иных появ-

лялись подобия улыбок. Иван вышел на крыльцо, чувствуя, как исправляется настроение, и даже промозглая осенняя сырость словно перестала досаждать, проникая под телогрейку и рабочие штаны.

– Покурим? – возник рядом Толик, – А, ты же не куришь. И раньше не курил? Как тебе это удается...

Этот разговор повторялся из раза в раз, и Иван даже не отвечал. Ну, забывает человек, тут у каждого с этим проблемы. Вот и сам он не знает, отчего ему так режет обоняние табачный дым. Да и не важно, вспомнить бы другое... Смутный образ девушки, промелькнувший во сне, она словно пытается ему что-то сказать, но...

– Ну что, пошли? – Толик отбросил докуренную до упора сигарету без фильтра, и первый шагнул в сторону большого железного ангара.

Считалось, что вставшим на путь исправления наркоманам дают новую профессию автослесаря, весьма котирующуюся в обычной жизни. Реально же Иван совершенно не помнил, чтобы с самого момента прибытия его хоть чему-то здесь учили, откуда-то он знал уже все сам. А поскольку колония зарабатывала на свое существование ремонтом грузовиков и сельскохозяйственной техники окружающих сел и деревень, его быстро поставили на довольно престижную здесь работу по переборке двигателей. Менее рукастому и рассеянному Толику доверяли в лучшем случае ремонт подвески, и то проверяли за ним каждую гайку. Вот и сейчас он, скинув телогрейку, полез в яму откручивать карданный вал с дребезжащими раздолбанными крестовинами.

– Пометь, как он раньше стоял, а то его трясти потом будет! – крикнул ему Иван, принимаясь за мотор полуторки. Сам Толик бы об этом забыл, если знал вообще.

Попавшийся Ивану движок был изношен средне, в расточке не нуждался, и вполне мог обойтись ремонтного размера кольцами. Видно было, что шофер за ним следил, заменой масла не пренебрегал и не насиловал высокими оборотами крепкую, пусть и архаичную конструкцию. Работа шла, все занимались своими делами, и даже мастер Гирич не лез сегодня со своими ценными замечаниями. В каморке за стеклом откровенно скучала учетчица Анфиска.

Иван негромко насвистывал, замеряя износ цилиндров, и неожиданно, из каких-то глубин памяти всплыла веселая шоферская песенка. Увлечшись, он не заметил, как запел ее вслух:

«Крутится – вертится шар голубой,
Был я когда-то шофер молодой!
Дали в конторе мне новенький ЗиС,
Чтобы шоферы в пути не... тряслись!!!»

Последнее слово он заменил, заметив высунувшуюся из двери заинтересованную Анфиску. Пусть, она зачастую ругалась не хуже пьяного мужика, петь при женщине песню с матерщиной он почему-то не мог.

«Еду я еду, гора за горой!
Еду на первой, потом на второй!
Только заехал я за поворот,
Гайки посыпались... вот не везет!»

В проеме ворот появилась тень, и Иван разглядел привалившегося к створке кинемеханика Семена. Надо же, Семен подпевал! Он тоже знал эту песню!

«Жгу под машиной девятый костер –
На фиг заклинило дохлый стартер.
Лопнул фарфор у четвертой свечи –
Руки замерзли, хоть хреном стучи!
Ворон садится на крышу ЗиСа,
Мыши... скребутся вокруг колеса.
Черная кошка бежит через двор,

Мост развалился, заклинил мотор.
Завтра в конторе уволюсь, пойду!
Ну ее к бесу, такую езду!»

– Да ты певец, охреть можно! – восхитился из-под машины Толик, – А что такое ЗиС?
– Наверно, машина какая-то... – неуверенно ответил Иван, озадаченный вопросом.

Он оглянулся вокруг – слесаря оживленно обсуждали песенку, Семен снова куда-то исчез. Мастер Гирич, нахмурив брови, что-то обдумывал.

– Слушай, весельчак! – произнес он, наконец, – Как с движком закончишь – займись картофелекопалкой. Это срочно!

Потрясенный Иван устался во двор, где бесформенной глиняной глыбой возвышалась привезенный прямо с поля агрегат. Вымыть ее никто так и не удосужился, и ремонт оттягивали до последнего, справедливо считая, что понадобится она в следующий раз более, чем не скоро. Мало того, слесаря между собой давно называли ее «Приз за Главный Косяк Месяца», и подзуживали друг друга кому она достанется в итоге. Понятно, что Иван считал себя полностью свободным от этой участи, и вот на тебе...

– За что? – только и смог вымолвить растерянный Иван.

– А чтобы жизнь медом не казалась! – торжествующе объявил мастер и скрылся в кандейке.

Иван оглянулся кругом, не в силах поверить в случившееся. Но все было взаправду, он наткнулся на взгляды слесарей, в которых читались одновременные сочувствие и облегчение от того, что беда пронеслась мимо них. Опустив голову от жалости к себе, он уткнулся в полуразобранный мотор грузовика и возился с ним, не разгибаясь, до самого вечера. Вероятно, в середине дня он ходил на обеденный перерыв, но в памяти этого не осталось совершенно.

Вместе с остальными, он вышел на улицу, где уже спустились вязкие осенние сумерки, и устался на злополучный агрегат. Идеально круглые от налипшей глины колеса, заклинивший от намотавшихся осклизлых стеблей и раздавленных клубней транспортер, перекосившийся бункер. В неровном свете, падающем из полужакрытых ворот, картофелекопалка выглядела как подбитый истребитель инопланетных захватчиков. Еще раз горестно вздохнув, Иван потащился на ежевечерний прием к врачу.

Уже походя к домику с грубо намалеванным красным крестом на двери, он снова наткнулся на киномеханика Семена. Тот стоял, прислонившись к фонарному столбу, и что-то явно соображал, глядя на него. Иван остановился, ожидая продолжения, но Семен молчал, впав какую-то задумчивость, а потом и вовсе пошел прочь. Чем он занимался помимо показа фильмов, Иван не имел ни малейшего понятия, но вряд ли руководство колонии могло предоставить его самому себе. Вроде и к врачу тот ходит по какому-то особому графику... В общем, кто его знает, странный он.

Иван уже почти поднялся на крыльцо из двух ступенек, когда темнота у барака зашевелилась, и оттуда появился Афанасий Шабалкин по прозвищу Шайба. Слегка сгорбленная фигура, напоминающая оживший холодильник, вразвалку подошла к Ивану, и на него уставились маленькие злые глазки медведя-шатуна.

«Опять его накрыло! – догадался Иван, – Даже таблетки на него не действуют!» Действительно, на тупого и неразговорчивого Афанасия периодически «находило», и он принимался бродить по территории, разыскивая себе жертву, до которой можно было бы додаться. В прошлый раз его кто-то успел ловко ударить обрезком доски по голове, когда он уже начал избивать недотепу Славика, а подбежавший врач всадил ему полный шприц успокоительного, пока тот не успел очухаться. И надо же, опять началось. Ну, что за день такой...

Немного покачавшись перед ним, Шайба все-таки сообразил, что связываться с бывшим налетчиком – не лучший выбор, и побрел куда-то дальше, скрывшись за угол. Пожав плечами, Иван постучал в дверь медпункта и вошел внутрь.

– Как здоровычко, Пафнутьев? – поприветствовал его врач, растянув губы в фальшивой улыбке, – Присаживайся, рассказывай: что удалось вспомнить?

– Да вроде, ничего, – ответил Иван, примащиваясь на краешек стула, – В смысле, не вспомнил больше ничего.

– Ай-ай-ай! Вот, что значит, всякую дрянь в себя глотать! Ты уж старайся, Пафнутьев, без осознания и раскаяния – нет и исправления. Пока не вспомнишь и не осознаешь – так и будешь тут куковать. А ты еще парень молодой, все впереди...

Полистав медицинскую карту Ивана, врач сверился с какой-то таблицей и высыпал из больших флаконов две таблетки – оранжевую и белую. Проследив, чтобы тот запил лекарство противно-теплой водой из чайника, он жестом указал Ивану на обшарпанное кресло со здоровенным колпаком на длинной стойке, напоминающим стационарный фен из парикмахерской:

– Пожалте на гипноз, Пафнутьев!

Сморщившись, Иван подошел к креслу и осторожно уместился в нем. Гипноз он не любил, ощущая, как голова его варится в этом колпаке, словно куриное яйцо в кастрюльке. Несколько раз ему казалось, что он видит во время этих странных сеансов какие-то картины, но ничего конкретного рассказать не мог, к разочарованию врача. Колпак надвинулся, стало темно. Врач защелкал какими-то тумблерами, устанавливая режим.

– Расслабься и получай удовольствие! – в голосе врача сквозила издевка.

Какое там еще удовольствие... Иван расслабился и постарался задремать, пока тот колдует со своим бессмысленным устройством. Меньше всего ему хотелось оказаться после сеанса полным идиотом, за что врачу, скорее всего, ничего бы и не было. Кому нужен какой-то до конца не излечившийся наркоман?

Но то ли переживания неудачного дня повлияли на этот раз, то ли врач наконец-то нащупал верное сочетание режимов, неизвестно – удивленный Иван словно провалился в яркий солнечный летний день. Он ощутил себя стоящим в широком холле какого-то банка с тяжелой штурмовой винтовкой в руке. Вокруг, на мраморном полу, лежали испуганные посетители, прикрывавшие головы руками. Кассир за стойкой судорожными движениями вытряхивал пачки денег из распахнутого сейфа в большую красно-синюю сумку. Но что-то уже шло не так, и за высокими стрельчатыми окнами с скрежетом тормозов остановилась полицейская машина, и из нее выскочили копы, на ходу целясь в его сторону из револьверов. Потом был прорыв, и пока Вага прикрывал отход короткими очередями, заставляющими полицейских вжиматься в асфальт, вся банда рванула через парк, рассыпаясь в разные стороны. Он выскочил на какой-то перекресток с фонтаном, почувял опасность, подхватил зазевавшуюся девушку, и заозирался, прикрываясь ей как щитом. И столкнулся взглядом с человеком в пиджаке с полицейской бляхой на поясе. Тот смотрел на него сквозь прицел армейского карабина, и во взгляде его не было ничего кроме безграничного презрения. Палец полицейского сдвинулся, дуло карабина озарилось вспышкой. И Иван содрогнулся от пробивающей его грудь пули...

Колпак сдвинулся вверх, и Иван ошарашенно затряс головой, возвращаясь в реальный мир. Комната с низким потолком и лампочкой без абажура, дерматиновая койка, пожелтевшие плакаты о пользе здорового образа жизни. Лицо врача, пристально вглядывающегося ему в глаза.

– Ну, как на этот раз, Пафнутьев?

– Я видел... ограбление банка, – с трудом произнес Иван, – Меня подстрелили...

– О, начинаешь вспоминать! – осклабился врач, – Значит, теперь так и будем! Все, иди. Если есть там кто – пусть заходит...

Иван вышел на крыльцо и несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул сырой осенний воздух. Оцепенение понемногу проходило. Неужели это все он? Рука скользнула под тельник и привычно нащупала два шрама на груди. Да, в него попали, вот есть следы. Он действительно тот, кем себя считает – не гнушающийся ничем налетчик. Почему-то эта мысль потрясла его, словно кто-то внутри него напрочь не желал в это верить. Но ведь вот же они, шрамы...

За домиком послышался какой-то шум, и Иван вытянул шею, прислушиваясь. Там явно что-то происходило, и, судя по всему – нехорошее.

– Эй, ты, чмо! Иткин, я тебе говорю! – слышался неприятный голос Шайбы, – Тебя в «крытке» опустили, точно? Ты петушок, да? Петушок?

Щуплого киномеханика явно надо было спасать. Иван решительно двинулся на звук и чуть не споткнулся, услышав холодный, словно лед ответ:

– Трахаля себе на ночь ищешь, милашка? Так это ты не по адресу, тут таких нет. Кроме тебя, конечно.

– Чё-о? – взвыл Афанасий, – Да я тебя... Н-на!

Выруливший из-за угла Иван увидел, как огромный, как пивная кружка, кулак устремился в голову Семена. «Конец парню!» – промелькнула мысль. Но, к его удивлению, киномеханик лишь чуть отклонился в сторону, перехватывая рукав Шайбы, и словно ввинтился куда-то вниз. Влекомый инерцией Афанасий кубарем полетел вперед, воткнулся головой в землю и затих. Распрямившийся Семен отряхнул колени и уставился на валявшегося в грязи гиганта с искренним недоумением, словно не веря в дело рук своих. Потом он нагнулся еще раз, проверил пульс на руке поверженного противника и, прихрамывая, пошел прочь.

Застывший от изумления Иван так и не сказал ни слова. Потом он подошел поближе к Шайбе и слегка приподнял его за шиворот, всматриваясь в лицо. Тот застонал и открыл глаза, в которых уже не было ни следа прошлой мути:

– Кто это меня так, а?

– Не знаю, я тебя уже таким нашел! – не стал выдавать киномеханика Иван.

– А... Ну ладно... – тяжело привстав, Шайба с трудом утвердился на ногах и пошел, шатаясь, в сторону барака.

Пойдя было следом, Иван вдруг остановился. Кино, мы же сегодня не смотрели кино! А он уже собрался спать! Вот ведь день дурацкий, все из головы вылетает! Развернувшись, он поспешил в сторону клуба, куда уже подтягивались все обитатели поселка, за исключением начальника и мордovorотов – тех в кино Иван не видел ни разу. Как ни странно, просмотр фильмов входил в процедуру излечения, а посещение было обязательным. Неявка строго каралась. Впрочем, желающих пропустить единственное развлечение не находилось никогда.

Вскоре зал был заполнен, свет погас, и на экране появились титры: «Погоня за призраком счастья». Народ зашумел, предвкушая детектив. Криминальные драмы нравились всем – благодарные зрители примеряли происходящее на себя, шумно обсуждая развитие сюжета, равно как и свои возможные действия, буде с ними случилось бы подобное. И фильм не подкачал. Молодой налетчик по прозвищу Хват раз за разом совершал хитроумно продуманные ограбления, преследуемый буквально по пятам настойчивым комиссаром полиции. И вот, наступила кульминация! Все замерли, глядя как озирается герой, стоящий на мраморном полу широкого холла банка, среди лежащих с руками на головах посетителей, в недобрый час решивших уладить свои финансовые проблемы. А комиссар уже выскакивал из машины, на ходу вытаскивая из багажника свой любимый армейский карабин...

Иван сидел, уставившись в экран, и чувствовал, как у него отвисает челюсть. Подождите, это же он грабил банк, когда...

Молодой коротко стриженный бандит метко стрелял очередями по три патрона, прижимая полицейских к асфальту. Банда разбежалась, уходя, как и положено по плану, через парк. Но

опередивший своих коллег комиссар уже стоял посреди аллеи, выщеливая прикрывающегося случайной девушкой Хвата...

Иван перестал понимать что-либо вообще. Вот же он, живой настоящий Иван Пафнутьев, а не какой-то выдуманный сценаристом Хват, словил две пули от комиссара, но выжил, попал в колонию... По его истории сняли фильм? Но он же явно старый, там даже год в титрах мелькал шестьдесят какой-то... Ерунда получается!

Иван сидел, переводя обескураженный взгляд с экрана на галдящих зрителей, пыльные балки над головой, колонки и кабели звуковой аппаратуры, пока не наткнулся на встречный взгляд сидящего отдельно от них врача. Тот смотрел так, словно Иван целенаправленно и нагло плюнул ему в самую душу.

На экране мелькнули последние титры, и фильм кончился. Зажегся свет, зрители начали расходиться. Ушел и врач, одарив напоследок Ивана уничтожающим взглядом. Наконец ушел и Иван, чувствуя в своей душе полный сумбур. Выглянувший из своей кинобудки Семен кивнул ему, грустно и ободряюще, но Иван не ответил. Ночью ему снова снилась незнакомая девушка, но уже далеко-далеко.

Утро. Громкий дребезжащий сигнал к подъему выхватил обитателей барака из царства мутных незапоминающихся снов. Скрип топчанов, шлепанье босых ног, встающих на дощатый пол. Стылая предутренняя мгла за окном. Семен вылез из своего закутка, осмотрел лезвие безопасной бритвы и потопал к умывальнику приводить себя в порядок. Иван уже стоял там, вытирая лицо вафельным полотенцем. Киномеханик кивнул ему, пытаясь вспомнить что-то важное. Вчера, когда они смотрели фильм, что-то случилось. Что-то такое, отчего у Семена сложились в уме какая-то важная мысль, и он даже хотел поговорить об этом, только не знал, как начать... Вот черт... ладно, может еще вспомнится.

На завтрак была обычная каша-размазня, вызывавшая у него странные чувства. На какое-то мгновение снова показалось, что он совсем еще маленький, перед ним стоит тарелка с ненавистным месивом, которое пока не съешь, не встанешь из-за стола, а за спиной бдительно следит... На этом воспоминание как обычно прервалось, оставив легкий укол головной боли. Семен обреченно зашкрябал ложкой по тарелке, откусывая от ломтя жесткого хлеба и запивая слабым чаем.

Входная дверь резко распахнулась, и в барак вошел начальник колонии в сопровождении своих мордovorотов. Из-за его спины выскользнул врач, распахивая на ходу свой саквояж и извлекая флаконы с лекарствами на стол. К нему тут же образовалась очередь, и он начал раздавать таблетки, отмечая фамилии в табличке. Но сегодня обычный утренний ритуал неожиданно оказался нарушен. Начальник постоял, раскачиваясь с пятки на носок и оглядывая подучетный контингент, и неожиданно объявил:

– Сегодня к нам приезжает проверяющий из города! Всем выглядеть на «отлично» и заниматься делом, кто из вас хоть что-нибудь нарушит – будет наказан по всей строгости! Запомнили? Хотя, о чем я говорю...

Врач вздрогнул, оборачиваясь на начальника. Принимавший в этот момент таблетки Семен судорожно глотнул из стакана и поставил его на стол. Помещение наполнилось опасливым шепотом. Лицо начальника брезгливо дернулось, он развернулся, и, не сказав больше ни слова, вышел из барака. Опомнившийся врач начал суетливо раздавать оставшиеся таблетки.

Накинув на себя телогрейку и шапку, Семен вышел во двор. В первой половине дня ему вменялось проверять учетные ведомости колонии, особенно после безалаберной Анфиски, не заморачивавшейся с правдоподобностью цифр вообще. Сделав пару шагов от крыльца, он неожиданно обнаружил, что держит свою правую руку зажатой в кулак. Недоуменно хмыкнув, он разжал пальцы и обнаружил на ладони так и не принятые таблетки, которые тут же свалились в грязь. Семен остановился, пытаясь решить, что ему делать дальше. Бежать к врачу? А поверит

ли он? Оставить все, как есть? В итоге, махнув рукой, он отправился в контору. Сойдет и так, подумаешь, всего один раз-то... Вроде никто и не заметил, разве что у микроавтобуса торчал мордovorot, да и тот в другую сторону смотрел.

Результат своего решения он ощутил уже примерно через час. День шел, как обычно, но в этот раз его раздражало кругом буквально все. Счетовод Пахомыч, радостно сваливший на него всю работу, отвратительный почерк врача, вконец охреневшая от безнаказанности начальника подстилка Анфиска, да буквально все! «Небо серое, болото грязное, да еще и бегемот к заднице прилип!» – всплыла откуда-то из глубины памяти шутка про маленького лягушонка. А что, именно так все и есть! Небо – серое... А вот окружающая действительность наоборот, казалась ему ясной и четкой до рези в глазах. Казалось, что он снял с них темные очки и вынул из ушей затычки «беруши». Теперь он отлично слышал, как за стеной начальник отчитывает врача за то, что он до сих пор не справился с какими-то «этими», за что с них обоих несомненно спросят. Врач же, испуганно бубнил в ответ, что с одним уже почти начало получаться, а вот со вторым, что странно... Голоса отдалились, и Семен перестал их различать. Интересно, о чем это они, вернее – о ком? Может, речь идет об Иване Пафнутьеве, что же там вчера у них было? Он напрягся, и вдруг перед его глазами встала картина, так хорошо видимая из кинобудки: растерянно уставившийся в уже погасший экран Иван, и явно на него чем-то обозленный врач. Что же такое там могло выбить из себя этого здоровенного и спокойного парня? Некоторое время Семен сидел, невидяще упревая взгляд в криво заполненную ведомость. Но сейчас его голова соображала гораздо лучше, чем с утра, и уже через десять минут картина сложилась полностью. Теперь он знал, почему обратил внимание на вчерашнюю сцену, и как все это связано с ним самим. Следовательно, ему уже просто необходимо было поговорить с Иваном.

Едва дождаввшись сигнала на обед, Семен буквально впихнул всю пачку документов в руки Пахомычу и помчался в сторону барака. Ивана за столом еще не было, но вскоре показался и он – против ожидания чистый и в хорошем настроении. «Наверно починку картофельного монстра отменили до отъезда проверяющего инспектора!» – догадался Семен, не успевший вчера далеко отойти от ворот, и расслышавший все. А вот обед его – так просто изумил, равно и как благодушно улыбающийся повар, разливавший по тарелкам вкусный наваристый борщ. «Ну надо же, обычно у него вид, будто мы каждый кусок из его собственного рта выдираем!» – Семен снова мимолетно удивился своей реакции, ведь каждый день он этого даже не замечал...

– А повар с перепуга мясо в котлеты положил... – услышал он бурчание сбоку.

Кто это сказал? Неужели Иван, вроде его голос? Но тот продолжал с блаженным видом наворачивать борщ, как и все остальные, сидящие за столом.

– Кто уже скушал – берите биточки с пюре, и не забывайте компот! – продолжал умиляться аппетиту едоков повар.

Компот! Ну, надо же... Настоящий, даже кусок яблока в нем плавает... Наскоро доев и допив, Семен выскочил на улицу и притаился за углом, поджидая Ивана. Тот вышел довольно скоро, но вместе с ним был и Толик, о котором киномеханик совсем забыл. Значит, серьезный разговор придется отложить. Но хотя бы сейчас надо...

Толик выудил из пачки сигарету и нагнулся к сложенным от ветра ладоням, где он держал зажжённую спичку. В тот же миг Семен посмотрел на лениво озиравшегося Ивана и поманил его к себе рукой.

– Чего? – подошел к нему удивившийся его таинственному виду парень.

– Поговорить надо. Вечером. Только постарайся у врача таблетки не пить, я тебе все объясню...

– Э... Что? Не понял...

– Об чем разговор? – поинтересовался попыхивающий сигаретой Толик, подходя ближе.

– Да вот про песню вчерашнюю спрашивал, говорит, что там по-другому поется! – неожиданно ответил ему Иван.

– А ты – чё?

– А я говорю, что у ней вариантов тьма, и каждый ее как хочет, так и поет, вот!

– А...

Кивнув Семену, парни ушли в сторону автомастерской.

Примерно через час на дороге, ведущей к колонии через поле, показалась большая черная машина, из которой вылез человек в штатском с большим портфелем в руках. Небрежно слушая крутившегося вокруг него начальника колонии, он заглянул в контору, и склонившийся над столом Семен вдруг ощутил на себе цепкий заинтересованный взгляд. Киномеханик замер, и когда поднял голову, в комнате никого не было, а голоса раздавались уже около автомастерской, где с заискивающей улыбкой размахивал руками, показывая что-то гостю, мастер Гирич. Еще через полчаса Семена выгнали из конторы ввиду начавшегося там совещания. «Вот и чудно, – подумал Семен, – Посижу пока в клубе, подумаю над тем, что скажу Ивану». По пути ему попался навстречу повар, сгибающийся под тяжестью приготовленных для банкета блюд, и вид его снова был брюзглив и жаден.

Оказавшись в своей тесной захламленной кинобудке, Семен устроился у стены на расшатанной табуретке и начал размышлять, лениво оглядывая расставленное одно на другом оборудование. Заниматься ремонтом в случае выхода из строя ему не полагалось, и даже было прямо запрещено – следовало немедленно известить начальство для вызова специалиста, который де, должен был приехать немедленно. Семена и раньше удивляло это правило – в электронике он мало что смыслил, но уж заменить сгоревшую радиолампу смог бы без труда. Но сегодня голова его работала как-то иначе, взгляд цеплялся за все несоответствия, незаметные в обычном благодушном состоянии, и вскоре перед ним встал еще один вопрос: отчего при таком задрипанном кинопроекторе здесь стоит такая мощная звуковая аппаратура? Он встал, отодвинул от стены тяжеленные блоки и начал прощупывать пальцами пыльные запутавшиеся кабели. Ну, это понятно, блок питания, снизу предварительный усилитель и кроссовер, из которого расходятся кабели к оконечным усилителям высоких и низких частот, а это... Широкий, но плоский ящик, задвинутый к самой стене, Семен идентифицировать не мог никак вообще. Еще более удивительным казался целый пучок кабелей, уходящих куда-то в стену. Несколько минут он озадаченно смотрел на неопознанное устройство, затем вылез из кинобудки и подошел к тому месту, куда с той стороны уходили в дыру кабели. Вот это? Нет, это обычный кабель, идущий к «кинаповской» колонке, висящей рядом с экраном. Остальные кабели тоже имели четко определяемый источник в каком-либо усилителе и точку назначения в многочисленных динамиках, висящих на стенах. Буквально подстегиваемый каким-то зудом исследователя, он излезил весь клуб, собрал на себя всю пыль и многолетнюю паутину и наконец – нашел! Только для чего были эти странного вида петлевые вибраторы, скрытые в стенных и потолочных балках, он так и не понял. Жалея, что все его знания в электронике сводятся к «включить – передвинуть рычажок – выключить», он уселся обратно на табуретку и устало вытянул ноги.

Услышав чьи-то шаги, скрипящие по гравию, он вскочил и начал суматошно задвигать блоки звукоусиления обратно, пока его изыскания не обнаружены и об этом не доложено начальству. В то, что здесь есть стукачи, он почему-то был уверен стопроцентно.

– Эй, Семен! Ты здесь? – услышал он голос Ивана.

– Здесь! – облегченно отозвался он, впуская слесаря в кинобудку.

– Да, как-то не очень тут уютно! – отметил тот, оглядываясь по сторонам, – Ну, рассказывай.

– Ты один, без Толика? Вечерние таблетки пил, или нет?

– Один, при чем тут Толик? Ты же вроде что-то не для чужих ушей мне сообщить хотел? С таблетками было не просто, но я их подержал во рту и потом выплюнул и ногой затер, а что?

– И как ты теперь себя чувствуешь? Ничего не изменилось?

– Ммм... Не пойму пока...

– Наверное, еще мало времени прошло. Или восприятие у нас разное, что ли, – вздохнул Семен.

– Да ты рассказывай уже, не тяни, я нормально соображаю. Ну, так что?

– Как бы начать... Скажи, что тебя так поразило вчера в конце фильма? Думаю, я смогу тебе объяснить это.

– Видишь ли... – задумался Иван, – Об этом вроде не полагается говорить... Но я скажу. Во время этого долбанного гипноза я вдруг вспомнил свою банду, налет, как меня подстрелили и все такое. И вдруг я вижу в фильме все то же самое, один в один! И врач теперь на меня как на врага смотрит, не знаю почему!

– А я тебе отвечу! – облегченно выдохнул Семен, – Потому, что то, что ты видел – кино и есть, и ничего подобного в твоей жизни не было!

– Как это – не было? А что было? Ты что-то гонишь, приятель!

– Видишь ли, я в кино все же немного разбираюсь, веришь? И смогу отличить жизнь от придуманного кем-то киносценария, тем более, когда они по одним шаблонам делаются. И главное, что со мной была ровно та же история. Только наоборот.

– В смысле – наоборот? Я что-то запутался...

– Ну, я сначала показывал фильм, а через неделю мне наш доктор гипноз устроил. То ли забыл, то ли решил, что и так сойдет, но под колпаком я увидел эпизод из «Хитроумного» с собой в главной роли! Я конечно, идиот, как и все мы тут, но не настолько же конченный. И это еще не все...

– Подожди... – Иван помотал головой и уткнулся в ладони лбом, – А правда-то тогда, в чем? Если все это – вранье? И для чего это нужно?

– Ответь мне еще на один вопрос – ты помнишь свое преступление? Суд, тюрьму? Как ты здесь оказался?

– Нет! – промычал Иван, не поднимая головы, – А ты, ты помнишь? Скажи, если знаешь!

– Нет, дружище, я такой же, как и ты. Я не помню себя, я не помню тебя, хотя уверен, что мы были знакомы, и не спрашивай – почему. Кто-то хочет, чтобы мы поверили, что мы не те, кто мы есть на самом деле, понимаешь? Смотри!

Семен отодвинул от стены усилители и ткнул пальцем в плоский блок:

– Я должен знать всю эту аппаратуру назубок, понимаешь? А это чудо техники я опознать не могу, хоть режь меня. И что он посылает на антенны, которые весь зал охватывают – тоже не знаю!

Иван приподнялся с табуретки и уставился на черный ящик. Затем он сморгнул и спросил:

– Отвертка есть?

– Нет, мне запрещено здесь что-то чинить... А ты в этом соображаешь? Ты же вроде слесарь?

– Кажется – да... Семен, да кто мы такие?

– Если б я знал... Но очень хотел бы это выяснить. И как это случилось, и кто все это устроил. А то, целый барак беспамятных идиотов, и никто на настоящего бандита ни разу не похож. Разве что начальник с мастером похожи. Ну, еще ты немножко. Шучу, шучу...

– Сема, хорош прикалываться. Скажи лучше, что делать предлагаешь?

– Ну, во-первых, предлагаю тебе не пить таблеток, чтобы совсем не превратиться в добродушного ничего не замечающего идиота, согласен?

– Я-то согласен, только не загнемся мы тут с тобой? Лепила-то наш не раз говорил, что оттого нас не караулят, что без таблеток любому будет сразу хана? Типа, сами приползем назад, если сил еще хватит?

– Сам смотри – я весь день без «колес» – полет нормальный. А уж Айболиту хренову верить точно не стоит, ему положено нам всякую чушь втирать, чтобы мы совсем в овощей превратились.

– Ну, пусть так. А что, во-вторых?

– А надо все собирать, подмечать и анализировать. По крайней мере, мне – они там в конторе привыкли, что я тупой и ничего не слышу, и вообще меня стесняться перестали. Но по-хорошему, дергать нам отсюда надо.

– Куда дергать? Ты хотя бы знаешь, где мы находимся? Ни названия, ничего, просто поселок в глуши. И никто не знает, заметил? Машины для ремонта нам без номеров пригоняют, где-то по дороге скручивают, что ли. Никто чужой сюда не заезжал ни разу. Мы даже не знаем, в какой части страны находимся.

– Ну, это ты загнул. Лес, поле – как в обычной средней полосе России. Так что, если мы и далеко от Москвы – то не очень.

– А почему ты Москву вспомнил? Может мы из Ленинграда или еще откуда-нибудь?

– Да я это к примеру сказал, просто всплыло откуда-то: «Далеко от Москвы». Книжка, что ли. Или фильм даже. По-любому, здесь не бескрайние просторы Сибири, местность должна быть достаточно плотно заселена.

– Что же сюда даже по ошибке не забредает никто? Что-то тут неладно с этим, друг! И еще вопрос напрашивается: что мы в пути жрать будем? Если кого-то из барака в качестве «коровы» брать, то я на такое не подписываюсь!

– Ну ты чего, мы людоеды, что ли? У повара пару батонов сопрем. На фоне того, что он себе тырит, даже заметно не будет.

– Ладно, уговорил. – Иван встал с табуретки и протянул руку, – Я с тобой!

– Вот и отлично! – облегченно вздохнул киномеханик, пожимая руку, – Все, давай разбегаться, пока кто-нибудь ненужный нас тут не засек.

Этим вечером Семен поставил зрителям кинокомедию, старую, но довольно смешную. Народ веселился и хохотал до упаду, бурно обсуждая нелепые приключения героев, казалось, что все было как обычно. Сидящий в центре зала Иван веселился со всеми, чувствуя, тем не менее, с каждой минутой нарастающее беспокойство. Что-то явно шло не так. Украдкой скосив глаза в сторону, он увидел нервно оглядывающего зал врача, несколько раз пытавшегося встать с места. Фильм уже почти закончился, когда привычное ощущение умиротворения вернулось. Все снова было правильно и так, как надо. Иван так задумался, пытаясь понять происходящее, что очнулся только на финальных титрах. Все пошли к выходу, и врач тоже, так и не предприняв никаких действий.

Оказавшись на улице, Иван остановился, прислонившись к наполовину облетевшей березе. Перед ним лежало во тьме небольшое поле, на котором обычно испытывали отремонтированную сельхозтехнику. Дальше смутно чернел смешанный лес. И больше ничего вокруг. Далеко от Москвы...

Сбоку раздались шаги, и из темноты вынырнул Семен, посмотрел на то же поле, и меланхолично пробормотал в тон каким-то своим мыслям:

– «Друг мой, друг мой, я очень и очень болен. Сам не знаю, откуда взялась эта боль. То ли ветер свистит над пустым и безлюдным полем...»

– «То ль, как рощу в сентябрь, осыпает мозги алкоголь». – продолжил за него Иван.

– Знаешь, да? А еще что-нибудь оттуда сможешь вспомнить?

– Подожди, сейчас...

«Счастье, – говорил он, – есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души за несчастных всегда известны.
Это ничего, что много мук
Приносят изломанные и лживые жесты.
В грозы, в бури, в житейскую стынь,
При тяжелых утратах и когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым -
Самое высшее в мире искусство».

Иван замолчал, несколько раз хотел сказать что-то еще, но в итоге безнадежно махнул рукой:

– Все, больше не помню. Скажи лучше, что это во время фильма было? Будто из меня что-то вынули, и только в конце вернули. И лепила наш извелся просто...

– А я эту загадочную дрянь отключил. Просто питание выдернул! – зло ответил Семен, – Хотел посмотреть, что без нее получится. Кстати, на кинобудку оно тоже распространяется. Вот так-то.

– Вот же дерьмо! – сплюнул Иван, – Ладно, пошел я. До завтра, друг!

Когда Иван подходил к бараку, он буквально спиной почувствовал чей-то взгляд и осторожно обернулся. Слегка освещенный фонарем, на крыльце медпункта стоял врач и глядел ему вслед. Выражения лица Иван рассмотреть толком не мог, но то, что он увидел, ему не понравилось.

Он долго ворочался, не в силах заснуть. Но, когда ему это удалось, он впервые увидел ясный и четкий сон. Пустынную дорогу, уходящую во тьму, в конце которой его ждала девушка.

«Над дорогой Смоленскою, как твои глаза,
Две холодных звезды голубых моей судьбы...»

Глава 2

Громкий дребезжащий сигнал пробудки пронесся по бараку, так же как и вчера и позавчера, и в любой, ничем не отличающийся один от другого, день. Кто-то открыл и захлопнул обратно дверь, отчего пронеслась волна стылого осеннего холода, будя окончательно его обитателей. Иван открыл и закрыл обратно глаза, ловя ускользящий сон. Девушка, она ищет его, но не знает, где он! Кто она, невеста, жена, сестра? Или... Или она погибла по его вине, и приходит теперь в его снах? От этой мысли, которой просто не могло появиться еще вчера, ему стало нехорошо. Вчерашний разговор с Семеном постепенно всплывал в его памяти, и начинал все больше казаться бредом наркомана, лишённого привычной «дури». Или какими-то уловками мошенника, которым слыл их киномеханик. Вроде же все сходится – следы от пуль на груди, жесткость реакций, хоть и задавленная таблетками, да и мысль об убийстве не вызывает оторопи, как наверняка должно быть у простого обывателя. Бандит и убийца, да еще и наркоман с напрочь скисшими мозгами. Скоро он вылечится и...

За фанерной перегородкой послышался стон, затем скрип топчана и бурчание проснувшегося Толика. Затем показался и он сам.

– Что снилось, опять кошмары? – спросил Иван.

– Да... – ответил Толик, и неожиданно прибавил:

– Огонь.

– Что? – не понял Иван.

– Огонь. Все в огне, и я сам – этот огонь... – Толик почесал щеку и потопал к умывальникам.

Иван встал и пошел вслед за ним. Вокруг шевелились проснувшиеся обитатели барака: сидели, упершись головой в ладони на краях топчанов, бродили с бессмысленными глазами, словно ожившие мертвецы. Люди были разные. Некоторые уже очнулись и пребывали в реальном мире, выстраиваясь в очереди к умывальникам. Никто друг друга не отталкивал – буйные живо получали дубинкой по хребту и укол, превращающий человека на сутки в бессмысленный овощ, с тяжелыми постэффектами позже. Такого не хотел никто.

Из прохода между спальными выгородками появился сонный зевающий Семен. Оглядев очередь, он поздоровался с Иваном и Толиком, как будто вчера ничего и не было. Впрочем, когда Иван уже уходил в сторону столовой, он буквально почувствовал спиной его внимательный взгляд.

Каша этим утром буквально превзошла себя в отвратительной склизлости и комковатости, вероятно повар спешил отыгаться за вчерашнее пиршество. Да и сам он стоял с брезгливым выражением на лице, выражая искреннее отвращение к обитателям барака, окружающей обстановке и собственной стряпне. Но, похоже было, что вкус замечали лишь Иван с Семеном, поскольку остальные, включая Толика, спокойно продолжали скрести свои миски.

«До чего же у них лица тупые! – неожиданно для себя подумал Иван, – Один Толик еще ничего, да и он тоже...»

Входная дверь распахнулась, и в бараке появился начальник колонии Борулин со своими мордovorотами. Из-за его спины выскользнул врач, сразу поставивший свой саквояж на стол, чуть не опрокинув чью-то миску. Никто даже не вздрогнул, лишь одному Ивану почему-то резко захотелось заехать кулаком прямо по наглой глумливой роже.

– Ну что, болезные... – произнес вдруг начальник, – Проверяющий остался доволен, так что наказывать я вас не буду... Пока.

Произнеся эту фразу, он развернулся и вышел, а вслед за ним вышла и его «свита». Доктор остался, привычно доставая флаконы с лекарством.

«Еще бы, не доволен – нажрался так, что в машину еле загрузили!» – зло подумал Иван.

Судя по усмешке Семена, он тоже был свидетелем этой сцены. А врач уже достал свои таблицы и начал раздавать таблетки, пристально следя, чтобы никто не пропустил свою дозу.

– А тебе, Иткин, с сегодняшнего дня будет особая схема! – заявил он вдруг подошедшему к нему Семену и достал из саквояжа два блистера с мелкими таблетками.

Тот слегка вздрогнул, но тут же спокойно протянул руку, получая таблетки. Когда он поднес их ко рту, раздался грохот упавшей на пол миски, заставивший всех обернуться на виновато улыбающегося Ивана. Живо развернувшийся обратно врач увидел лишь дернувшийся кадык Семена, который тут же начал жадно пить из кружки.

– Ну-ка, покажи мне свои руки!

Пожав плечами, Семен продемонстрировал обе ладони, в которых ничего не было.

– Свободен... Теперь – Пафнутьев, и тебе – то же самое. Попробуй меня только обмануть!

На этот раз врача отвлечь не смогло ничего, ни хлопнувшая дверь, ни какой-то грохот за окном. Он убедился, что Иван выпил всю горсть и хорошо запил ее жидким чаем. Только тогда он повернулся к остальным, перестав обращать на него внимание.

Иван вышел на улицу, буквально чувствуя, как таблетки проваливаются ему в пищевод. Теперь, от утренних сомнений у него уже не осталось и следа. Отмахнувшись от поджидавшего его Семена, он бросился серому дощатому домику уборной, нагнулся над вонючей дырой и спешно сунул в горло два пальца. Он вышел обратно только через несколько минут, отплевываясь от горечи, но с чувством полного удовлетворения. Семена нигде рядом уже не было.

В мастерской уже начался обычный рабочий день. Замасленный радиоприемник на окне издавал бодрые звуки какой-то музыки, прерываемой стуком молотка сражающегося с резьбовыми втулками Толика. Слева хлюпало масло, сливаясь из картера колесного трактора «Полессе». Название Ивану резало глаз, то ли несоответствием с русским языком, то ли потому, что на его взгляд трактор должен был называться как-то иначе.

– А вот и звезда эстрады! – поприветствовал его мастер Гирин, – За инструментом зашел? Картофелекопалка-то на улице стоит!

– Это обязательно должен делать именно я? – как можно спокойнее поинтересовался Иван.

– А что тебе не так? Зазнался, что ли? Против коллектива идешь? Да там и дел-то всего ничего, ыть-ыть, стук-бряк, и готово, спи – отдыхай! Любой справится! Все, иди, не тни время!

Гирин ухмыльнулся, и снова принял деланно-равнодушный вид. Иван почувствовал, что у него сами собой сжимаются кулаки и каменеет лицо.

– Может, как-то иначе решим? – ледяным тоном поинтересовался он.

Казалось, что замолк даже радиоприемник. Из-под грузовика испуганно выглянул Толик. Возящийся с гидроприводом трактора Клим отложил ключ и уставился на него, словно не веря своим глазам. Рядом замер с раскрытым ртом, словно забыв о тяжелой раздатке в руках, Афанасий. Стихла работа и у остальных канав.

– Можно и иначе! – медленно ответил мастер, оглядывая Ивана с нехорошим интересом, – Можно позвать охрану и вкатить тебе аминазину, чтобы поспокойнее был. А то, что-то разговорился ты тут...

Иван с шумом выпустил из себя воздух, сгорбился и пошел за инструментами. «Не сейчас, только не сейчас...»

– Вот и давай, шевели помидорами! – услышал он «напутствие» мастера, – А вы чего застыли, а?

Мастерская снова наполнилась шумом и лязгом. Через какие-то полчаса об инциденте все уже забыли.

Вышедший из ворот мастерской Иван растерянно ходил вокруг картофелекопалки. Ну, и как ее чинить? Привод транспортера – один сплошной комок грязи, неудивительно, что его заклинило и разворотило. И даже непонятно, что отвинчивать, головок болтов не видно. Потоптавшись, он вернулся обратно в мастерскую.

– Что, уже починил? – делано удивился Гирин.

– Так, ить... Шланг нужен, чтобы отмыть сперва.

– Шланг, говоришь... Ну вот, чтобы ты не шланговал, вот тебе лопата, вот тебе ведро. Воду из колонки накачаешь. Работай, в передовики производства выйдешь, хе-хе!

Даже размоченная водой, глина вперемешку со стеблями отскребалась с большим трудом. Вода быстро кончалась, и за ней приходилось постоянно ходить, а проклятая ботва наматалась на валы и затвердела так, что ее можно срубить зубилом. Через час грязный мокрый Иван понял, что сделал всего ничего. Злобно взглянув в сторону мастерской, он выплеснул из ведра остатки воды и пошагал заново качать рычаг ручной колонки. «Друм – линькс – цвай – драй, драм – линькс – цвай – драй, во дайн платц геноссе ист?» Откуда он помнит эту песню? Но качать тяжелый железный рычаг под нее было легче, тем более что дальше было уже порусски:

«И так как все мы люди, не дадим нас бить в лицо сапогом!

Никто на других не поднимет плеть, и сам не будет рабом!

Марш левой – два, три! Марш левой – два, три!

Встань в ряды, товарищ, к нам,—

Ты войдешь в наш Единый рабочий фронт,

Потому что рабочий ты сам!»

Иван сам не заметил, как распрямылся и понес к злополучному агрегату двадцать-какое-то ведро с водой так, словно он ничего не весило. В душе поднимались гордость и злость: «Ничего, день-другой перетерплю, но потом они за все ответят...» Кто такие «они», он пока не знал, но очень хотел теперь это выяснить.

«Марш левой – два, три! Марш левой – два, три!»... Глина начала очищаться гораздо лучше, погнутый шкив уже выглянул из-под нее целиком, и его можно было отвинтить. Ключи, надо взять ключи... Он обернулся и буквально наткнулся на пристальный взгляд врача, стоявшего у ворот мастерской. Вот черт, он же должен после таблеток выглядеть совсем иначе! Вот только, как именно иначе? Что за «колеса» дал ему сегодня лепила? Вот же дерьмо! Повесив голову, согнувшись самым жалким образом и постаравшись придать лицу самое дебильное выражение, он поплелся к воротам. Ему почти удалось войти, когда врач остановил его, приподнял за подбородок голову и буквально впился взглядом в глаза. Иван замер.

– Пойдешь в барак, переоденешься, и – на осмотр! – заключил врач, отпуская Ивана.

Затем он вошел в мастерскую, и было слышно, как он о чем-то спорит с мастером. Через несколько минут они вышли наружу оба.

– Иди! – махнул рукой мастер с недовольным видом.

– Скажешь Кузьмичу, что я распорядился! – добавил врач.

Иван тупо кивнул и все той же шаркающей походкой вернулся в барак. Оглядевшись, и никого там не обнаружив, он толкнулся в каптерку к кладовщику Кузьмичу. Тот долго не открывал, видно заснул. Наконец, дверь со скрипом распахнулась.

– Ну, чё тебе надо? – поинтересовался мордатый сторбленный кладовщик, почесывая плечо, густо покрытое блатными наколками.

– Чистую робу надо. Лепила велел, – коротко сообщил ему Иван.

– Не напасешься на вас... Узнаю, что ты мне прогнал... – Кузьмич на мгновение скрылся внутри, но тут же появился снова с застиранным полукомбинезоном в руках, – Кажись, твой размер. В смысле, не меньше, чем твой.

– Благодарю! – буркнул Иван.

Одежда и впрямь подразделялась на размеры «меньше, чем надо» и «больше, чем надо», но никого это особенно не волновало, эстетика здесь была не в почете. Переодевшись в чистое, Иван с удовлетворением отметил, что болтается не слишком сильно, особенно если подвернуть штанины. Теперь можно было идти и к доктору, тем более что ждать тот не любил.

Постучавшись в дверь с красным крестом, и услышав «войдите», Иван шагнул внутрь, но тут же отшатнулся обратно, заметив боковым зрением рванувшихся к нему мордovorотов. Поздно! Уже через секунду он стоял с вывернутыми за спину руками, а добрый доктор уже приближался к нему, помахивая наполненным шприцом.

– Держите крепче! – и словно оса ужалила в шею...

Будто со стороны, он увидел, как его запикивают в кресло для гипноза и привязывают ремнями запястья к подлокотникам. Сверху опустился колпак, и мир рухнул во тьму.

Жжение, звон. Иван чувствовал, как его мозги шипят, словно свеженалитая газировка в стакане. Откуда-то издали, исподволь, стали накатывать видения: грязный подвал, неопрятная опустившаяся женщина спит, выронив пустую бутылку на пол. Чумазый пацан бежит, прижимая к груди украденную булку. Морщинистое лицо старого урки: «Ты еще не вор, ты просто баклан!» Подворотня, зажатый в руке нож...

«Это не я, это не мое детство!»

Смятая постель, черные локоны на подушке. За дверью слышен девичий визг и чей-то пьяный хохот. «Милый, ты еще придешь ко мне?»

«Неправда, все не так! Я вспомню, вспомню, что было со мной на самом деле!»

Отчаяние, бьющаяся со всех сторон в сознание чужая омерзительно – реальная жизнь.

«Сейчас, я уже почти вижу это...»

... бесконечно далекое бледно-голубое небо. Под спиной – сложенная пополам штор-мовка, позволяющая беспечно лежать на короткой выгоревшей траве. Рядом – излучина неширокой речки в обрывистых глинистых берегах. Вода журчит, нагоняя сон. Солнце скрылось за большим кучевым облаком, и можно просто лежать и смотреть, как ветер лениво гонит по небу белые кудряшки...

«Нагретый воздух над полями загустел,

Над выгнутым речным застывшим руслом.

Я вместе с облаком сейчас бы полетел

Среди лесов – болот равнины Среднерусской.

Свернусь клубком, на солнце, как усталый пес,

И растворюсь в лучах невидимого света.

Мне добрый голос задает вопрос,

Но я не знаю на него пока ответа».

Колпак отодвинулся, вместо него перед глазами появилось, качаясь, лицо врача:

– Ну, что, теперь все вспомнил, скокарь?

– Да пошел ты! – Ивану кажется, что он кричит, но на деле он лишь шевелит губами.

Лицо врача отодвигается, искаженное то ли злобой, то ли странно изгибающейся в глазах реальностью.

– Отнесите его в барак! Пусть до вечера там валяется, если раньше не сдохнет!

Как шумит в ушах... Звон становится сильнее и сильнее, словно вокруг стрекочут миллионы кузнечиков. Кузнечиков, на выжженном августовским солнцем поле... Рядом слышны голоса друзей, он уже накачали волейбольный мяч и готовы начать игру. Сейчас он встанет и присоединится к ним... Но вместо этого, он словно взлетает в белесое небо и видит оттуда

далекий лес, извилистую серую ленту реки, веселую компанию и одиноко лежащую в стороне фигурку.

«Меня зовут, кричат на дальнем берегу.
Но этот крик в звенящей дымке тает.
А я уже подняться не могу,
Корнями в землю мягкую врастая.
К устам земли неласковой припав,
Уносит ветер искорки сознания.
И силуэт, лежащий между трав,
Теряет понемногу очертанья...»

Согнувшись над очередной расчетной ведомостью, Семен напряженно размышлял, поглядывая в окно. Происходило что-то явно выбивающееся из повседневной рутины. Сперва – дополнительные таблетки с утра, потом несколько раз заглядывавший в контору врач, от которого Семен загоразивался, низко наклонив голову и чуть не пуская слюни с дебильным видом, а теперь этот палач-любитель стоит возле мастерской и таращится на извозившегося в грязище Ивана. Вскоре там что-то произошло, и Семен увидел, как его друг уныло тащится в сторону барака, а врач резво бежит в административную часть конторы, а оттуда – в сторону своей конуры. А вслед за ним туда же направляются два мордovorота. Все это ему крайне не понравилось. Вспомнилось, как пару недель назад Николай по прозвищу Очкарик вдруг стал задавать окружающим странные вопросы, а потом его принесли и бросили на койку в бараке, находящегося в странном забытии, из которого он уже не вышел. Сердце Семена болезненно сжалось от плохого предчувствия, но что делать в этой ситуации он не знал. Оставалось только ждать.

Вскоре в контору буквально вбежал всклокоченный врач, и сразу уединился с начальником колонии. За стеной забубили голоса. Уткнувшийся в бумаги Семен буквально обратился в слух, неожиданно для себя почувствовав, что словно расплывается по всему зданию, находясь одновременно и здесь и там. Начальник и врач ожесточенно спорили:

– Да кто они такие? – визгливо возмутился врач.

– Твое какое дело? Тебе дали задание – вот и выполняй!

– А такое, что на них никакие наши методики не срабатывают! Их словно готовили к этому, ясно?

– Скажи уж проще, что облажался!

– Ты не понимаешь, ты точно не понимаешь, что здесь особый случай!

– Вот и расскажи об этом ей! Только – сам, меня в это дело не впутывай.

– Вот и расскажу. Давай телефон!

«Ей? Кому это – ей?» – Семен напрягся, пытаясь услышать каждое слово.

Было слышно, как щелкнула снимаемая трубка, и вдруг навалилась такая тишина, что он даже затряс головой, не понимая, что происходит. Вот мимо идет Пахомыч с картонной папкой в руке, медленно, словно во сне...

Слух вернулся резко, да так, что зазвенело в ушах. За стеной продолжали бубнить голоса:

– Ну, и что она тебе сказала?

– Завтра с утра за ними приедут. Ее заинтересовал этот случай.

– Не завидую я им... Да и ладно, нам меньше проблем.

– Вот уж – точно. Пойду, на этого гляну, чтобы не сдох до завтра.

– Ну, ты и эскалоп! То есть, эскулап! Хе-хе!

В окне показался доктор, направляющийся в сторону барака. Вид у него был снова вполне довольный собой и жизнью. Семен вздрогнул – он совсем забыл, что сегодня была его очередь

идти на гипноз. И «забыть», прикинувшись дураком, не получится – притащат, да еще и по ребрам попутно наваляют.

Остаток дня он провел, как на иголках и, освободившись, сразу побежал в барак. Его друг лежал одетым прямо на одеяле и тупо смотрел в потолок. Казалось, он пребывал где-то в других, далеких отсюда мирах.

– Держись! – прошептал Семен, на мгновение стиснув ему запястье.

И ему показалось, что веки Ивана дрогнули ему в ответ.

Полный дурных предчувствий, Семен отправился через сгустившиеся осенние сумерки к домику врача, чувствуя, как ноги просто отказываются идти в нужную сторону. Взойдя на крыльцо он тяжело вздохнул и решительно толкнул дверь.

– А Иткин! – как ни в чем не бывало произнес врач, отрывая голову от раскрытой медицинской карты, – Проходи, присаживайся. Что расскажешь?

– О себе? – уточнил Семен, – О своем прошлом?

– Да, не стесняйся! Рассказывай.

Ну, я родился... – история, рассказанная своими словами, иногда получается сильно не похожей на оригинал, и Семен искренне надеялся, что врач не распознает в его рассказе сюжет давешнего фильма про хитроумного мошенника.

Семен увлеченно рассказывал, жестикулируя для убедительности руками, врач согласно кивал головой, хотя улыбка на его лице была самая саркастическая.

– Ну что же, я рад, что ты встал на путь исправления. Теперь я верю, что из тебя получится порядочный гражданин. Можешь идти.

– Куда идти? – изумился Семен.

– Как это – куда? Кино крутить, естественно. Ты киномеханик или кто?

– Эээ... Ну, да... Спасибо на добром слове...

Семен выскочил на улицу, пытаясь перевести дух. Ну, и что это было? Добрый доктор решил сохранить подопытное животное для нового вивисектора? Ага-ага...

Если бы его спросили, как назывался фильм, который он крутил в клубе тем вечером, то Семен вряд ли смог бы ответить на этот вопрос. Пленка несколько раз рвалась, в зале свистели и обзывали его «сапожником». Один раз он даже перепутал части, и узнал об этом, лишь услышав возмущенные крики зрителей. Семену было все равно. Все его мысли занимали только два вопроса: «Как там Иван?» и «Что же делать?». Когда фильм закончился, и зрители вышли на улицу, обсуждая, не стоит ли набить киномеханику морду за такой показ, он быстро выключил свет, прошмыгнул в свою каморку в бараке и затаился.

Ночь, сырая осенняя ночь, стучащаяся в окна стылým ветром и заползающая в щели человеческого жилья холодом предзимья. Поскрипывал фонарь, раскачиваясь на столбе, отчего за окнами метались какие-то неясные тени, будто бесы затеяли свою адскую пляску. Спертый воздух барака был буквально пропитан большими безумными снами. Семен осторожно приоткрыл чуть скрипнувшую дверь своей каморки и выглянул в общее помещение, разделенное невысокими фанерными перегородками. Храп, чье-то бормотание сквозь сон, сип топчана под перевернувшимся на другой бок телом... Прихватив телогрейку и шапку, он осторожно тронулся через проход между двумя рядами спящих людей. Дойдя до выгородки Ивана, он присел на корточки возле топчана и тихо прикоснулся к его руке. Напрягая глаза в темноте, он долго всматривался в лицо друга, не решаясь уйти. Внезапно он понял, что тот не спит, и смотрит на него совершенно осмысленно, словно пытаясь молча задать вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.